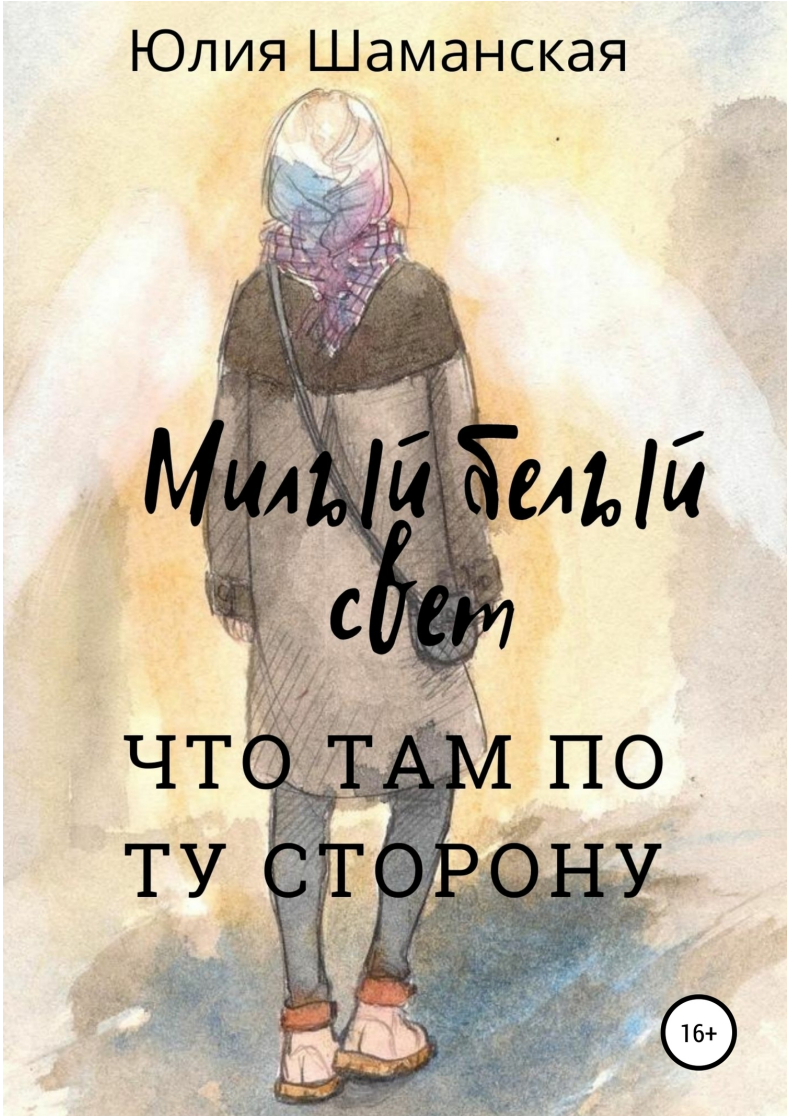
Юлия Шаманская



Милый белый свет

ЧТО ТАМ ПО ТУ СТОРОНУ

16+

Юлия Валерьевна Шаманская

Милый белый свет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38576104
SelfPub; 2020
ISBN 978-5-532-04587-3

Аннотация

Опыт учит нас, что умирают всегда другие. Но когда жизнь близится к концу, ты уже хорошо знаешь, как следовало ее начать. Трудно поверить, что кто-либо, прожив жизнь, не считал бы ее в глубине души неудачной. Эта книга-притча обо всех людях на земле. Ведь почти все мы, за редким исключением, не умеем ценить то, что дарует нам "милый белый свет".

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Глава 1

Вправо, влево, вправо, влево. Сияющий бриллиант-светлячок перед глазами, набирает обороты. Он качается в воздухе и ему нравится качаться, как ребенку на качелях. И я качаюсь. Такое знакомое чувство—воспоминание. Я в длинном дутом плаще, ярко-красном, с растрепанными темными волосами. Худая и длинная. Стою на сидении качели-лодочки. Напротив полноватая девочка поменьше ростом и возрастом. Мы по очереди приседаем и раскачиваем лодочку вперед-назад. Ветром несет, как по волнам, внутри волнуются страх и восторг.

Много, много бриллиантов-огоньков перед глазами сливаются в сплошное сияние. Белый огонь, стреляющий разноцветными искрами, такими красочными, что радуга бы позавидовала. Глаза закрываются. Я ничего не чувствую, кроме волнения внутри. Смеси страха и восторга. Жизнь, она только начинается. Как раз теперь можно отбросить все, и кинутся в водоворот неземных ощущений, которые рядом, ближе, чем мое белье.

– Лилия! Проснитесь!

Белый свет и неприятный больничный запах. Открываю веки со скрипом. Пятно обретает форму – это белый халат.

Ах, да! Доктор. Боже, как не хочется возвращаться. Почему после сладких снов всегда нужно просыпаться? О, нет!

Доктор улыбается, приподнимает верхнюю часть кушетки, там, где мои плечи и голова. Заботливо поправляет одеяло.

– Сейчас можно немного полежать. Хотите чаю?

Если я заговорю, все окончательно развеется. Раздвигаю губы в вымученной улыбке и киваю.

– Чайчик с мятой – то, что вам сейчас нужно! – Доктор хитро щурится. – Покурить не хотите?

Покурить? Зачем? Мне так хорошо лежится. Или он в постели разрешает? Нужно будет размыкать губы и прилагать усилие, чтобы вдыхать. Ой, как плохо, – тошнит.

Меня вырвало, а доктор, не стирая с лица улыбки, стоит у кушетки и с гордостью рассматривает рвотные массы.

– Ну, вот. Получилось! – заявляет он, – теперь, Лилечка, вы больше курить не будете.

Вообще-то, я хотела бросить пить. Но когда пришла к доктору записываться, столкнулась с коллегой по работе. Так вышло, что пришлось бросать курить. Эта привычка мне не мешала. Могу ходить на работу; не сделаю ничего неожиданного. А то, что сдохну быстрее, то это только к лучшему.

Если бы Лидка секретарша не поперлась к знаменитому доктору бросать курить, и мы бы не столкнулись на самой регистрации, то я бы уже была непьющая. Теперь же неиз-

вестно, смогу ли я опять год копить. Доктор и, правда, хороший, но не дешевый. Да и с чего копить, если и так хожу по лезвию. Еще раз начальница нанюхает, и кранты. И будет в нашем доме трое безработных. Вернее, одна «чеснозаслуженная» пенсионерка и двое безработных. Пенсионерка, это мать мужа. Когда я вспоминаю о ней, – сразу хочется выпить.

Иду пешком через частный сектор. Доктор в нашем городе проездом, хотя и задержался года на три, но помещение снимает в одном доме, когда—то выстроенном под клинику нетрадиционной медицины. Строила дом цыганка. А потом у нее поменялись планы, чего—то там не вышло. Дом продали. А потом несколько раз перепродали. Что—то люди в нем не уживались. В конце концов, кто—то умный решил использовать дом по назначению, и теперь он разобран по кабинетам: в каждом из которых, принимает свой представитель нетрадиционной медицины – от гадалки Марии Иосифовны до китайца с иголками. Иван Долгунов – мой добрый доктор – тоже там. Называется психотерапевтом, в реальности является гипнотерапевтом. И сейчас он избавил меня от привычки курить. И сейчас я иду по прекраснейшей улице, с аккуратными одно и двух этажными домиками по обеим сторонам; пахнет цветущей вишней и сиренью, и очень, очень хочется выпить. Домой идти сейчас, было бы безумием. Своим я сказала, что иду на работу, а на работе отпросилась к врачу. И все знали, к какому. Естественно, Лидок же постаралась! Я когда стала отпрашиваться, начальница без второ-

го слова отпустила. Говорит, знаю, к кому записалась – хорошее дело. А я вот, говорит, без всяких докторов бросила. И не преминула съязвить: «Ты б еще от алкоголя закодировалась», а я «что вы, Наталья Николаевна, с этим у меня проблем нет».

Так или иначе, солнышко светит, запахи чудесные, даже новые какие—то в отсутствие сигарет. Пачку и зажигалку я выкинула в урну, чтобы не вызывать у себя лишний раз тошноту. Конечно, все это можно было бы отдать мужу, но честное слово,– мутит. Так что, я поступила эгоистично.

Доктор справился быстро. Пришла к нему на 10, а сейчас 12. Впереди чудесный свободный денек. Если идти по этой улице прямо, то можно выйти к морю. Я так и иду, но только в противоположном направлении. Нужно зайти в магазин.

Деньги у меня пока есть. Зарплата была совсем недавно, так что можно устроить праздник. А если праздник, то пиво не берем. Можно взять шампанское. Это будет так аристократично, ловко стрельнуть пробкой. Со стороны гуляющих (в такой день, пусть и будний, их будет полно) одинокая девушка с длинными светлыми волосами, пьющая шампанское из горлышка, будет смотреться… футуристично. От шампанского у меня всегда игривое настроение, захочется общения – с кем-то познакомлюсь,… неприятности обеспечены. Значит, шампанское отменяется. Можно сладкое вино, но оно быстро грузит. Я или засну на пляже или припрусь раньше времени домой. Можно сухое вино, его можно

выпить много, но что—то не хочется. Я сладкоежка, а «сухари» все кислые. Можно коньячку…слишком дорогое удовольствие. Решено – наберу сладеньких шейков. Для моих аппетитов нужно штук пять. Да, дороговато что—то выходит. Хотя, могу себе позволить.

Могу, но не позволяю.

Выхожу из магазина с покупками: в кулечке пол-литра водки и полторалитровая кола, жареные семечки и коробка мармелада «Дольки». Птички поют. Направляюсь по той же улице в сторону моря. Жарко как летом. Расстегиваю куртку и складываю в кулек шапку и шарф. Пью колу, периодически проверяя уровень в бутылке. Мне нужно выпить пол—литра, чтобы развести водку один к трем. Так самый вкусный коктейль получается.

Заняла самую лучшую скамейку, вспугнув влюбленных студентов. Просто попросила разрешение занять свободное место. Проверенный метод. Летом эта скамейка все время пустует – она стоит на самом солнцепеке. А сейчас это то, что нужно. Солнышко прогрело деревянные доски, из которых она сколочена. Забираюсь с ногами, и изображаю ими что—то похожее на позу лотоса. Хорошо, что я сегодня в дутой куртке, джинсах и ботинках на плоской подошве. И вообще, сегодня на редкость удачный день! Вид у меня вполне приличный, что еще больше поднимает настроение: сидит себе девушка комсомолка—спортсменка, пьет колу из горлышка и ест мармелад, при этом любуясь разморенным в первых

лучах солнца, опьяневшим морем.

Опьяневшим морем! Откуда такие ассоциации? Может потому, что я сама опьяневшая, и от первого солнца, и от коктейля. Хочется смеяться, но вокруг люди, еще вызовут скорую психиатрическую. От этой мысли хочется смеяться еще сильнее.

– Девушка! Девушка! Вам плохо?

Где я? Я так хорошо спала, а сейчас меня бьет по щекам какой-то мордоворот. И голос у него такой, как будто он за меня переживает. Бьет и переживает – забавно.

– Да, она просто пьяная!– пищит за его спиной женский голос,– оставь ее в покое.

– Да ты что? Как ее оставить? Уже темнеет!

– Это не наше дело!

Эта перепалка действует мне на нервы. Ясно, что уже не посплю. Пора сваливать. А где я все-таки?

– Смотри, она поднимается.

Опять этот писклявый голос. Меня от него тошнит.

– Осторожно, ее сейчас вырвет.

Если ты не перестанешь пищать, я точно вырву. Ну вот! Добилась своего! Меня выворачивает прямо на скамейку.

– С виду не бомжиха. Может, мы отвезем ее домой?– неуверенно предлагает мужчина.

– Ни за что!– верещит женщина.– Она нам облюет всю машину!

– Что случилось?– спрашивает, только что подошедшая тетушка лет пятидесяти.

– Вот, нашли пьяную девушку. С виду приличная. Не знаем, что с ней делать,– объясняет мужчина.

– Ее только что вырвало, – как бы оправдываясь, добавляет его спутница.

– Надо ей помочь, – уверенно говорит тетушка, и обращается ко мне.– Девочка, где ты живешь?

–Не да, ик, далеко, сейчас пойду.

Пытаюсь встать, но ничего не получается.

– Помогите мне!– командует тетушка.– Проведите ее всего сто метров, я живу в том домике. Отсюда видать.

Меня ведут так быстро, что еле успеваю перебирать ногами. Мучает икота. Наконец, вносят во двор одноэтажного частного дома старой постройки. Хозяйка открывает дверь.

– Вот сюда, в кухню, на диванчик. Спасибо вам, помогай Бог.

– Это вам спасибо,– с облегчением вздыхает писклявая женщина.– Вы, видно, добрый человек!

– Чего уж там, ведь не собака она, а люди обязаны помогать друг другу.

– Если бы все так думали,– опять вздыхает женщина, но уже не так искренне. Она торопится к выходу.

Хозяйка провожает пару до калитки, а я осматриваюсь. Так и думала! Обстановка кухни чересчур простая не современная, но аккуратная. Чисто, так что в этой кухне мышь по-

весится, и тараканы от голода подохнут. Надо же, не подохли! Вот ползет один доходяга. Вокруг иконы. Везде. На каждой свободной поверхности. Перед ними закопченные лампадки и оплывшие свечечки. Значит, меня приютила добрая Самаритянка. Из тех, чудаковатых богомолок, которых периодически «пощипывают» все бомжи района. Я попыталась встать. Получилось только сесть, но меня сразу же вывернуло, прямо на аккуратную шерстяную дорожку. В этот момент вернулась самаритянка.

– Что ты, что ты, деточка! Не вскакивай! Полежи немножко.

Она села у меня в ногах.

– Тебе плохо? Ну, полежи, сейчас я все принесу.

Я лежала и, молча, наблюдала, как женщина убирает то, что я наделала. Затем она развела в фаянсовом кувшине марганцовку, достала из—под серванта большой таз, предварительно вытряхнув из него в форточку двух черных тараканов. Затем она долго боролась со мной, заставляя пить и рвать, точно, как поступила бы мать со своим отравившимся чем—то ребенком. Я пила, рвала и думала, что эта женщина служит Богу безупречно.

Потом я пила куриный бульон, с вбитым туда яйцом домашней курицы, и плакала. Я рассказывала этой женщине, что жизнь моя пуста, что я никому не нужна. Что муж—бездельник, что свекровь – мегера, что родители любят только мою младшую сестру, что я не могу иметь детей, и что я не

хочу жить.

Из всех этих жалоб, моя спасительница почему—то услышала, только ту, которая меньше всего меня волновала. Она спросила:

–Ты не можешь иметь детей? Почему? Что говорят врачи?

– Ничего, – нехотя ответила я,– говорят, что все в порядке.

– Ну, значит, все в порядке,– сказала она, – такое бывает. Просто Богу пока неугодно, чтобы ты рожала.

– Но я уже три года замужем и не предохраняюсь. Свекровь требует внучку, не смотря на то, что меня ненавидит. Сейчас на ребенка дают очень хорошее пособие.

– Поверь мне, – повторила она,– все в порядке, три года еще ничего не значат. Я с детства хотела иметь много ребятишек, а Господь благословил только одним сыночком, и то через десять лет брака.

Когда я, наконец, покинула дом доброй женщины, было десять часов вечера. Ничего, детское время. Скажу дома, что праздновали день рождения сотрудницы, и после работы зашли в ресторан. Хорошо, что мобильник сел еще днем. Кстати, он еще есть? Проверяю внутренний карман. Странно, но и мобильник, и кошелек на месте. Значит, не обчистили. Это очень хорошо, иначе бы пришлось идти пешком через весь город. А так, сейчас выйду из частного сектора, поймаю такси, и домой. Да, сегодня удачный день!

Все-таки, Ильичевск не зря воображает себя безопасным городом. В этом мне пришлось убедиться не раз. Частенько после «передоза» с выпивкой, я оказывалась в чужих квартирах, и просто на улице. И ничего! Меня даже ни разу не обворовали. А дома я все время что—то врала. По большей части, что спала у мамы. А маме врала, что у меня мужчина, но пока женатый. И, в общем, страсть периодически захватывает в самое неожиданное время. Мама меня прикрывала, потому что ненавидела моего мужа и надеялась, что я от него уйду к кому—то, кто не будет «сидеть у меня на шее». Муж, при желании, мог бы раскрыть этот шитый белыми нитками заговор, но не хотел. Потому что, я его тоже прикрывала. Когда он уходил в запой, я врала его маме о существовании каких- то друзей, у которых он играет всю ночь в компьютерные игры и прочее. Раньше мы пили вместе. На том и сошлись. Но потом, мне надоело, что он пропивает заработанные мной деньги. Аппетиты у него большие, не то, что у меня. Гуляет с размахом, видимо, потому, что не на свои. Я перестала брать его с собой. Тогда он нашел каких—то старых друзей с деньгами. Они его поили, а он их развлекал, изображая всеобщее посмешище. Он хорошо выполнял свою работу шута, даже мог иногда дерзить. Но, как только чувствовал, что перегнул палку, поджимал хвост. Я знаю об этом, потому что первое время ходила с ним. Но быстро перестала. Это можно понять.

Мы с мужем давно перестали быть близкими людьми, но

были нужны друг другу. Я думала, что будем вместе до самой смерти, ведь умрем рано. Только неизвестно, кто первый.

Странно, но люди вокруг нас ничего не замечали. Не то что бы совсем ничего. Но ни, намекающая на мой алкоголизм, начальница, ни родная мама, и даже не особенно пристрастная ко мне свекровь, не понимали положение вещей. Не видели края бездны.

Единственный человек, который бы всерьез огорчился в случае моей смерти – мама. Папа, – вряд ли. Его больше всего интересуют политическая ситуация в стране, глобальное потепление, и нашествие НЛО. Мама бы огорчилась, я уверена. Хотя, когда ее персона всплывает в разговоре, я всегда жалуюсь, что она поступила со мной нечестно. Что она занимается моей сестрой, а меня выкинула из своей жизни. Все это из-за квартиры, которая у меня была. Вернее, я долгое время думала, что была.

Когда мне было 17, умерла наша бабушка. После нее осталась однокомнатная квартира. На семейном совете решили, что квартира будет моей. Сестре было всего 14, а я уже невеста. Единственная оговорка в пользу сестры, что в случае, если я выйду замуж за богатого, и квартира мне будет не нужна, тогда я отдам ее сестре. Я с легкостью согласилась.

Жить мне в своей квартире пока не разрешали. Я поступила в экономический вуз на коммерческое отделение. Учебу оплачивали родители. Они говорили, что жить отдельно я смогу, когда получу образование. А студенческая жизнь

полна соблазнов, и лучше, если я в это время буду под присмотром.

Мне нравилась моя квартира. Я следила за ней, убирала, покупала туда всякие милые штучки. И мечтала об окончании учебы, и о том, как буду жить совсем одна, и даже, может быть, никогда—никогда не выйду замуж. Мне так хотелось побыть одной! Мне хотелось быть одной бесконечно долго. Но я знала, что это невозможно. Разве что, если я стану отшельником где—то в Египетской пустыне. Хотя, говорят, и там уже стало слишком людно.

Когда моей младшей сестре Соне исполнилось 17, я еще училась. Поэтому родители смогли устроить Сонечку только в самый дешевый вуз – педагогический. Она поступила, и почти сразу же забеременела, ушла жить к парню и бросила институт. Я бы с удовольствием присоединилась к когорте ахающих и осуждающих родственников, если бы не один нюанс: парень был не местный, а из какой—то деревни, и жил он в съемной квартире. Никто пока ни о чем не говорил, но мое сердце чуяло…

В нашей семье две дочери, обе красавицы, но ни одной из нас не было суждено пройтись в белом платье с фатой под марш Мендельсона. Мы выходили замуж всегда в самый неподходящий момент. Соня со своим Коленькой расписались через три дня после подачи заявления, без всякого торжества, прямо у конторки. Я со своим Димой в несколько более торжественной обстановке. В зале торжественных

событий, в окружении близких родственников и друзей, но в простом выходном костюме, а банкет в ресторане заменило скромное домашнее застолье. Тогда как раз родился Егорушка, и мои родители усиленно помогали семье младшей сестры. Еще до рождения ребенка молодые переселились в мою квартиру. Говорили, что временно. Коленька работал на заводе. Образование имел техническое. А родом, оказывается, был ниоткуда, и родные у него были—сотрудники интерната. Одно хорошо, по закону, интернатовцу положена квартира. И он стоял на нее в очереди.

Кажется, тогда я и начала пить. Одна, горько, без меры. Я понимала, что мечта жить одной в тишине, никогда не осуществится. И замуж за богатого—это не моя мечта. Замуж за богатого—это просто устроиться на службу. Если не прачкой—поварихой—няней—горничной (у богатого может быть штат прислуги), то экономкой, компаньонкой, проституткой. И в любой момент служащей грозит увольнение. Понимала я, что вряд ли заработаю на квартиру сама.

У меня были вполне приличные институтские подруги. Когда я заводила все ту же волынку о том, что моя жизнь кончена, некоторые из них не сочувствовали, а ругали меня за нытье и неблагодарность судьбе. Советовали, после защиты диплома, ехать в Одессу, или даже в Киев. Большой город! Вот, где могут осуществиться все мечты!

А я была уверенна, что не смогу. Я же не какой-нибудь пробивной юный талант, который будет спать на вокзале, а

потом покорит столицу. Я приеду, и тут же пропаду. Да, я знаю, что взрослая. Что главное захотеть, взяться, зажать волю в кулак, затянуть пояс, пойти в бой, и победить. Но я не хочу. Я просто хочу, чтобы все обо мне забыли, или, как вариант, хочу умереть. По возможности, безболезненно. И, по возможности, не попасть после этого в ад. Ведь кто знает, может, есть ад? А если он есть, то самоубийцы точно в него попадут. Поэтому самоубийство отменяется. Да я и не решилась бы.

Жили мы, поживали, и про квартиру больше никто не вспоминал. Мама и папа были «все в Егорке», я училась, пытаясь мыслить только позитивно, но в один прекрасный день Коленька принес долгожданный ордер на гостинку. Соня и Коля пришли к нам праздновать. И Егорку принесли. Услышав новость, я не могла найти себе места. В висках стучало, лицо покрылось красными пятнами. Хотелось задать главный вопрос, но язык прилип к гортани. Этого никто не замечал. Меня вообще никто не замечал. Только мама отдавала краткие указания: перетереть тарелки, бокалы, вилки, отнести еду на стол. За столом царила оживление. Я дрожащими руками навалила себе полную тарелку всяких вкусностей, но еда меня совершенно не интересовала. Чувствовала, что если еще несколько минут буду оставаться в неведении, то случится инфаркт. Только я так подумала, как папа задал почти тот самый вопрос:

– Ну, как планируете поступить с квартирой?

– Мы уже решили,– ответил Коленька,– обе квартиры продадим и купим двухкомнатную. Егорка растет и ему нужна своя комната.

– Разумное решение! Мы с мамой именно это хотели вам посоветовать,– ответил папа.

Мне нужно было выйти из комнаты. Срочно! Но я не могла даже выйти из-за стола. Для этого нужно было попросить маму и Соню встать и пропустить меня. А это было совершенно невозможно. По моим щекам потекли слезы. Их было много, и в пару секунд слезы залили все лицо. Первый заметил папа. А потом они наперебой стали спрашивать, что случилось. Мне было нечего сказать. А слезы все не останавливались, и уже затекали за ворот блузки. Препротивное ощущение. Наконец, мама вывела меня из-за стола и, приказав присутствующим, не обращать внимания, увела в кухню. Она дала мне платок и накапала валокордина. Когда поток слез прекратился, заварила две чашки чая с мятой и сказала:

– Я думала, что ты сама уже поняла, что Соне квартира нужнее. Я не в восторге от нашего зятя, но, учитывая, через что пришлось пройти нам с папой, когда его мама была против нашего брака…. Я дала себе зарок, что не буду вмешиваться в судьбу дочерей. Что касается брака, по крайней мере, представь себя на месте Сони: она никогда не будет жить в достатке с Коленькой. Он не плохой. Не бьет, не пьет, работает. Другое дело, что на квартиру ни он, ни она никогда не заработают. Дай Бог, конечно, чтобы я ошибалась. Да еще

и Егорушка,– мама вздохнула,– мы всегда с папой относились к тебе лучше, чем к Соне. Но, поверь, у тебя вся жизнь впереди. Ты найдешь себе мужа с квартирой.

– Да уж,– я уже настолько пришла в себя, что могла говорить,– мужики с квартирами у нас тут на каждом углу валяются. Коленька наш, кстати, если бы был без семейства; с гостинкой, сразу видным женихом стал! На него бы толпы красавиц кидались!

– Может быть. Но у тебя есть квартира!

– Да?

– Вот эта, наша. Она же тебе останется. Двухкомнатная, в центре, планировка шикарная! Завтра же пойдем оформлять завещание. Лады?

Я внимательно посмотрела на маму. Уж не издевается ли она? Да вроде, нет. И лицо такое воодушевленное.

– Спасибо, мамочка, но это мне не нужно. Мне не доставит удовольствие мечтать о вашей с папой смерти.

– Ну, мы все же оформим. Хочешь, не хочешь, а это наше дело. А у тебя…,– она подошла ко мне сзади и погладила по голове,– у тебя все еще впереди. Тебе жить и жить. Жить и получать удовольствие от жизни. Не грусти!

Вот какой у меня хлипкий был повод, чтобы медленно и целенаправленно втаптывать в грязь мою жизнь. Потом у меня появилось еще много поводов: брак с алкашом-тунеядцем, жизнь со свекровью-мегерой, ненавистная работа.… Иногда, в редкие минуты просветления, я понимала, что мой

алкоголизм не является следствием этих причин. Все совсем наоборот. Все эти причины возникают на почве алкоголизма. Но если это так, то где реальная причина? В роду, кажется, пьющих, не было. А реальная причина, наверное, есть, но мне она неизвестна. Совершенно неизвестна.

Впереди огоньки – это киоск. Куплю я себе, пожалуй, бутылочку пива. А то «трубы горят». И прийти после ресторана совершенно трезвой – подозрительно. Возле киоска устроились два мужика «неопределенного возраста». Как говорится, не отходя от кассы. Тут и водочка, и капусточка домашняя в банке, и общипанный кирпичик черного хлеба. Кажется, они пытаются со мной заигрывать. Я игнорирую «закидоны» и прошу у продавщицы литруху Жигулевского. Выпиваю очень быстро, ведь уже дошла до дороги, и нужно в приличном виде ловить такси. Меня заметно качает, а предстоит еще перейти через дорогу. И стоять на обочине ровно, как благовоспитанная девица, а то, если увидят, что пьяная, можно, как частенько бывает, вляпаться в неприятности.

Что-то случилось. Но не понимаю что. Как будто кто—то сзади хлопнул меня ладонями по ушам, и лопнули перепонки. Нет, отдаленно я что—то слышу, но сильно далеко и приглушенно. Какие—то голоса? Машины? Визг тормозов?

Я лежу на земле, потому что прямо перед моими глазами красивое звездное небо… и веточка цветущей вишни… и

краешек крыши.… Кажется, я не могу, пошевелится, но и не хочется. Надо мной нависает какой—то парень. Молодой и перепуганный. Кричит:

– Вы живы? Вы живы?

И чего так кричать? Что не видно, что я жива, раз смотрю на него? Ничего не отвечаю. Он мешает мне любоваться звездами.

И все-таки, если я не сплю и не пьяная, значит, меня сбила машина. Но почему совсем не больно? Только голова гудит. И этот еще надрывается:

– Вы не шевелитесь, только не шевелитесь! Скорая уже едет.

Значит, сбила машина. А шевелится, я не собираюсь, совсем не хочется. Так спокойно и удобно, будто я на перине. И почему все-таки не больно? Наверное, шок.

Но скоро покой закончился. Небо от меня закрыли милиционеры и врачи. Парень кричит, я его голос уже узнаю из тысячи:

– Господин капитан, пьяная выскочила на дорогу!

Врачи суетятся вокруг. Один командует:

– Носилки. Быстро. Шину. Перелом шейного позвонка.

Теряю сознание, а когда возвращается, вижу, как меня несут на носилках к машине с надписью Реанимация. Я очень хорошо выгляжу: светлые, удачного пшеничного цвета (сама краски смешивала) волосы, обрамляют бледное утонченное лицо и свисают с носилок, длиннющие ноги в узких

джинсах, тоже не помещаются. Шею сдавливает специальный воротник. Моя черная куртка в руках у доктора. Белый облегающий гольф, подчеркивает узкую талию и неплохую грудь. Рукав порван, в вене иголка капельницы, которую несет за мной медбрат. А я и не знала, что так хорошо выгляжу – прямо голливудская актриса. А особо не старалась. Натянула на себя, что под руку попалось. Меня грузят в карету и запирают двери. Стоп. Куда это меня? А как же я? А если она я, то кто же я?

Я следовала за каретой скорой помощи до самой больницы. Как следовала? Не знаю. Летела, наверное. А возле больницы остановилась и дальше не пошла. Что я труп не видела? Чем убиваться над своим бездыханным телом, лучше подумаю, что мне делать дальше. Интересно, куда направляются души в этом случае, и почему я какая—то бесхозная, и никто меня не встречает «на том свете». Я попыталась сосредоточиться на своих ощущениях:

1. Тепло. Ночь, видимо, прохладная, а я чувствую себя комфортно.

2. Я ясно вижу, и все вокруг приобрело яркие краски. Не то, что бы я плохо видела при жизни, но сейчас вижу так, как в моменты радости. Когда и серые облака хочется назвать жемчужными, и лужи серебряными.

3. Хочется танцевать и орать песни. Или прыгать. Попробовала попрыгать – так мягко получилось, и я так забавно

отскакиваю от земли, как мячик.

4. Раз уж мне подвластны законы притяжения, то попробую подняться над землей выше. Да, действительно, я могу подниматься в воздух на такую высоту, какую захочу. Но сильно высоко не решаюсь – страшно.

5. Из пирожковой, которая стоит у самой больницы, разносится премерзкий запах прогорклого масла, значит, запахи я чувствую. А может, просто привыкла, что здесь так пахнет?

6. Попробовала пнуть ногой камушек. Не вышло. Камушек не движется.

7. Я не прозрачна. Вернее, вижу себя как вполне плотное тело.

Не стоять же мне всю оставшуюся вечность под больницей. Нужно что—то делать. Нужно найти того, кто мне все объяснит. Пойти в церковь?

Есть идея! Пойду к своей недавней знакомой доброй Самаритянке. Может она увидит меня? Ведь судя по всему, она святая. А святые видят души умерших. По крайней мере, я так думаю.

Вот и исполнилось мое желание. Я мертва. Мертва, и иду по улицам своего красивого и любимого города. Я умерла в прекраснейшее время. Весна! Глубокая ночь и людей на улице нет. Чистую и красивую главную улицу, по которой я

иду, гордо освещают фонари. Тихо—о—о, не передать словами это ощущение. Одуряюще пахнут почки на каштанах. Деревья, как восковые – не один листик не шевельнется. А вот и дом моих родителей. Их окна темны. Наверное, еще не знают. Сегодня ночью или завтра утром – узнают, и начнут хлопотать. Будет много слез, много расходов. Как на свадьбу, если бы они ее устраивали. Похороны это настоящее торжественное событие. Важней, чем свадьба. Похороны – это то, что, действительно, случается с человеком один раз в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.